

На заднем дворе усадьбы господина Ма вовсю кипели страсти, и за этими бесконечными дрязгами незаметно промелькнуло лето.

Регистратор Сюй поначалу не мог нарадоваться своей новой должности, однако ближе к осени у него не на шутку разболелась голова. Причиной тому стал его высокопоставленный начальник: господин Ма положил глаз на налоги с осеннего урожая. А ведь это был лакомый кусок — жирнейший кусок пирога!

— При ежегодной оценке работы уезда главными показателями всегда считаются три вещи: зерно, шелк и подушный сбор, — уездный судья Ма перевел взгляд на своих советников. — Прежде этот регион освобождали от податей, но теперь сбор возобновлен. И я намерен лично разобраться, как именно здесь собирали налоги в прежние времена.

— Ваше превосходительство, прежде ведь и войны не было, а сейчас... все иначе, — советник Цянь, как советник по налогам и продовольствию, разумеется, загодя изучил все бумаги. — Ныне в уезде осталось всего 15 353 двора. А ведь когда-то числилось 48 965! Убыло без малого две трети! Разумеется, собирать подати по старым меркам теперь никак нельзя.

— О как? — у судьи Ма азартно блеснули глаза. — Значит, сколько я назначу, столько они и заплатят?

Советник Цянь аж поперхнулся от такой наглости:

— Господин уездный судья, вы ведь только-только вступили в должность... Если сразу начать с этого, боюсь, выйдет нехорошо.

Во-первых, он человек здесь новый, никого не знает, и если с порога примется нещадно обирать людей до нитки, подчиненный ему люд вряд ли станет молча сносить грабеж.

Во-вторых, его непосредственный начальник наверху больше не приходится ему родственником. Префект Ду сам когда-то правил этим уездом, и у него наверняка осталась какая-никакая привязанность к местному народу.

Именно сейчас советник Цянь в полной мере осознал значение того самого «зонта благодарности десяти тысяч имен», который префекту Ду когда-то преподнесли трое старост трех деревень. Если дело примет скверный оборот, крестьяне пойдут жаловаться во все инстанции. К тому же здешний люд испокон веков отличался крутым и буйным нравом. Во время войны эти мужики без раздумий хватались за тесаки и шли на иноземцев — так с чего бы им теперь трепетать перед каким-то заезжим чинушей?

Коли власть прижмет, народ за вилы возьмется!

И тогда в первую очередь достанется именно им, советникам.

Если яйцо бьется о камень — камню-то ничего, а от яйца лишь мокрое место останется.

— Я как в должность вступил, только и вижу, что все вокруг гребут лопатой, один я ни с чем! — вскипел уездный судья Ма. — Ради чего, по-твоему, я эту службу получал?! Те крохи, что я привез с собой, тают на глазах, словно весенний снег, а взамен — ни единой медной монеты прибыли!

Его супруга, правда, вознамерилась обзавестись местной недвижимостью. Доверенный управляющий, которого они отправляли вперед уладить дела, по возвращении привез немало добра и наличных денег. Он успел разведать обстановку на рынке: уездный город еще толком не оправился от потрясений, цены на землю стояли копеечные, так что они уже выкупили несколько отличных участков в самых людных местах под будущие лавки.

Да только сейчас все крестьяне трудились не покладая рук на полях, и в город ради подработок никто не спешил. К тому же лето — не лучшее время для строительства. В здешних краях закладывать фундамент принято после осенней страды и до первых заморозков: воздух тогда сухой, и свежая кладка схватывается куда быстрее.

Но беда в том, что все это пока оставалось лишь на бумаге, а мошна судьи тем временем пустела с каждым днем.

Глядя, как золото и серебро утекают сквозь пальцы, господин Ма исходил горькими слезами над каждой потраченной крохой.

Свой кошель жалко — значит, нужно спешно изыскать способ обобрать кого-нибудь другого.

Да вот незадача: хотя бывший бухгалтер Сюй и дослужился до должности регистратора, щедростью он никогда не отличался. Местная управа — не бездонная бочка, пирог невелик, да и делить его особо не с кем. Перед отъездом господина Ду регистратор Сюй, пользуясь временным безвластием, ловко перераспределил все доходные статьи.

Новому судье Ма, разумеется, тоже выделили долю, причем самую весомую — ему отходила добрая половина доходов от «мертвых душ», числившихся на казенном жалованье в управе.

Вот только много ли проку от половины жалованья несуществующих писарей и служек управы в захолустном уезде?

С оравой домочадцев и наложниц, которых привез с собой господин Ма, этих жалких крох не хватало даже на шпильки супруге.

— А может, позвать регистратора Сюя да расспросить его? — предложил второй советник.

Приезжие в уезде ни черта не знали и тыкались как слепые котята. В таких делах без совета

старожилов управы не обойтись. Обычные служки управы — недотепы и мужланы, двух слов связать не умеют. То ли дело регистратор Сюй! Его семья уже второе поколение служила в управе, так что он знал каждый потайной уголок и каждую лазейку.

— Позвать-то можно... да только придется делить с ним добычу, — уездный судья скривился.

Господин Ма отличался редкой скупостью. Он прекрасно понимал: чем шире круг посвященных, тем меньше достанется ему самому. Ему и двоим советникам-то платить не очень хотелось, а уж делиться с выскочкой Сюем — и вовсе нож острый.

— Тут уж ничего не поделаешь, без него мы и шагу ступить не сможем, — со вздохом возразил советник Цянь. Хотя ему самому претило делиться, он трезво смотрел на вещи. — Уважаемый покровитель, с ним ссориться нельзя. В конце концов, именно регистратор Сюй здесь настоящий хозяин и местный заправила.

<http://bllate.org/book/19387/1997456>